

Цыцикоу расположен у подножия Голэшани, и то, что он видел, было алым цветом рододендронов, чье цветение в это время года достигло своего пика. Море цветов, пылающее под лучами закатного солнца, казалось раскаленным, источающим жар.

— Это цветы? Как красиво. — он указал на них Лу Вэньхао.

Лу Вэньхао рассмеялся:

— Это же рододендроны! Те самые, что в книгах называют азалиями. В детстве я часто собирал их и плел венки, а с друзьями мы сложили детскую песенку: Рододендроны, красные, как огонь, цветы расцветают, цветы опадают... — и замолчал.

— Продолжай же.

Лу Вэньхао смущенно опустил голову:

— Дальше... я забыл.

Сун Шаоянь, уткнувшись лбом в руль, расхохотался во весь голос, да так, что Лу Вэньхао разозлился от стыда:

— Сун Шаоянь, тебе только и остается, что издеваться надо мной!

Сун Шаоянь с трудом перестал смеяться, повернул голову и, глядя на Лу Вэньхао блестящими глазами, произнес:

— Если я не буду издеваться над тобой, неужели мне идти издеваться над посторонними?

Он подался вперед, протянул руку через сиденье и заключил Лу Вэньхао в объятия, прижав к спинке кресла.

Столь внезапная близость заставила лицо Лу Вэньхао вспыхнуть. Он услышал чуть хриплый голос Сун Шаояня:

— Я хочу тебя поцеловать, можно?

Затем он почувствовал, как его шея, не в силах сопротивляться, подалась вперед, и мгновение спустя его губы оказались в плену, позволяя ловкому языку Сун Шаояня проникнуть внутрь и забрать все его чувства...

Хотя впереди по-прежнему клубился пороховой дым, дни, когда ты не одинок, всегда пролетают особенно быстро. По сравнению с молниеносно меняющейся обстановкой на фронте, эта спокойная жизнь в «столице сопротивления» вызывала у Лу Вэньхао иллюзию, словно один день в горах равен тысяче лет в миру. Повторяющаяся изо дня в день жизнь казалась безмятежной, однако обстановка в стране становилась с каждым днем все сложнее.

Утро выдалось на удивление холодным. Лу Вэньхао, грея руки дыханием, принял у дворецкого свежую газету. Войдя в дом, он развернул ее и вдруг удивленно воскликнул:

— Странно, сегодняшняя Синьхуа Жибао: на целую полосу всего шестнадцать иероглифов. — Он протянул стопку газет Сун Шаояню. Сун Шаоянь был заядлым читателем и выписывал все городские издания, хотя его, кажется, интересовали лишь сериализованные в них романы о мастерах боевых искусств.

Тот взял газету, пробежал глазами текст и тоже удивленно рассмеялся:

— О, братоубийственная война, зачем же так спешить? Каллиграфия у этого господина Чжоу и правда неплохая. Неужели все настолько серьезно? Думаю, у Центральной ежедневной газеты и Мирной ежедневной газеты на этот счет найдется свое мнение.

Лу Вэньхао покачал головой, вздыхая из-за непредсказуемости ситуации. Армия не должна становиться полем для политических игр! Главный долг военного — защищать страну. В момент, когда решается судьба нации, разве можно позволить себе втянуться в водоворот гражданской войны?

— Вот видишь, вера — это то, что очень легко сводит людей с ума. В любые времена, в любой стране любая вера требовала от человечества такой кровавой цены. — Его слова уже не были такими радикальными, как раньше, но, сталкиваясь с событиями, подтверждающими его теорию о саморазрушении, он не мог удержаться от колких замечаний.

— Ладно, о чем не можешь додуматься — не думай, а на что не можешь смотреть — не смотри. — Лу Вэньхао успокоил его и сел рядом.

— И о чем мы будем говорить дальше? Командующий Сюэ в третий раз остановил наступление японцев под Чанша, главнокомандующий Хэ на днях проводил смотр войск на перевале Футугуань, говорят, скоро будет сформирован экспедиционный корпус для отправки в Бирму, вышло распоряжение о борьбе с недобросовестными торговцами, что скупают товары... Столько новостей! А Двенадцать золотых дротиков Бай Юя? В Коммерческой ежедневной газете скоро должен быть финал, а ты до сих пор не дочитал... — По правде говоря, он не понимал, какое им до этого дело.

Сун Шаоянь нежно улыбнулся ему:

— Вэньхао, я так завидую тебе, ты умеешь относиться к жизни так легко.

Лу Вэньхао улыбнулся в ответ, мысленно упрекнув себя. На самом деле на душе у него было очень тяжело: старые тревоги не успели рассеяться, как навалились новые печали. Далекие заботы и близкие беды множились, но если не стараться держаться, неужели им обоим суждено пасть духом?

В этот момент Сун Шаоянь вдруг тихо продекламировал:

— Муж, почему бы не взять узкий клинок, чтобы отвоевать пятьдесят областей за горными перевалами...

Лу Вэньхао испугался:

— Ты что, собрался в армию?

— Успокойся, я не настолько безумен. Сколько сейчас у Китая самолетов? Двадцать наберется? Да и те — списанный хлам, купленный у Германии. Я не стану совершать глупость, бросая яйцо в камень. К тому же, если случайно попадешься на глаза второй госпоже Кун, она ведь и пристрелить может.

Лу Вэньхао невольно усмехнулся. Согласно газетным сплетням, некий офицер авиации настойчиво ухаживал за второй госпожой Кун, и та, устав от назойливости, выхватила пистолет и ранила его. В итоге председатель, который дорожил авиацией пуще зеницы ока, пришел в ярость и чуть не отдал госпожу под военный трибунал. Не ожидал он, что Сун Шаоянь будет так шутить по этому поводу.

Впрочем, если он находит силы для шуток, значит, больше не будет терзаться из-за того инцидента в Аньхое. Похоже, поговорка о том, что с кем поведешься, от того и наберешься, верна — его собственные слова все-таки возымели действие.

Он с легким сердцем начал читать роман вместе с Сун Шаоянем.

Вскоре после того, как инцидент в Аньхое был мирно урегулирован, пришло время разлива рек, и из Бирмы поступили воодушевляющие новости: экспедиционный корпус в далеких краях, в Мьичине, вопреки всему одержал победу над превосходящими силами противника!

Власти были очень довольны. Как раз приближался праздник драконьих лодок, и было решено превратить соревнования по гребле в грандиозное торжество.

Каждый год состязания проходили от Хуншаси на Цзялинцзяне до монастыря Сянгосы. Госпожа Цзян лично взяла на себя руководство, а трибуну для почетных гостей построили в саду Шэншэн в Ньюцзяоту.

Хозяин сада Шэншэн, ректор Чунцинского университета Гао Сяньцзянь, всегда выступал за спасение страны через развитие промышленности, поэтому на территории своего сада открыл консервный завод, выпускавший любимый горожанами апельсиновый напиток Шэншэн. Сад был открыт для посетителей, поэтому и днем, и ночью здесь было многолюдно.

Но то, что Лу Вэньхао был так хорошо с ним знаком, — целиком заслуга Сун Шаояня.

В саду было три зала, где можно было одновременно проводить три свадьбы в западном стиле. Благодаря просторным залам и примыкающим ресторанам это место считалось лучшим в городе для проведения торжеств. В тот раз Лу Вэньхао пришел сюда на свадьбу младшего брата Ли Юньтун.

Семья Ли была столь влиятельна, что пышность торжества была соответствующей: после западной церемонии предстояло еще и празднование в китайском стиле. Когда Лу Вэньхао и Сун Шаоянь прибыли в сад Шэншэн, они увидели рабочих, возводящих трибуну для гонок, а члены семьи Ли стояли на зеленой лужайке, фотографируясь. Везде кипела работа, и все вокруг пестрело красками.

Заметив их, Ли Юньтун с улыбкой подошла навстречу. Они вручили ей красные конверты.

Лу Вэньхао пошутил:

— Юньтун, как же ты позволила младшему брату тебя опередить? Поторапливайся.

Ли Юньтун ответила с двойным смыслом:

— Ворон смеется над чужой чернотой, а своей не видит.

— Да? — Лу Вэньхао притворился, что не понял. — Помни: если цветок созрел — срывай, не жди, пока ветка останется пустой.

Юньтун посмотрела на свои руки:

— Кто, кто может полюбить меня? Мое единственное достоинство — немного денег в семье.

— Немного денег? Но деньги могут купить всё.

Юньтун горько усмехнулась:

— Вэньхао, это ты так утешаешь? Звучит так, будто ты злорадуешь.

— Кто просил тебя быть сытой, но не знать вкуса пищи, и причитать без причины?

Юньтун в притворном гневе прогнала его:

— Убирайся! Нечего хвастаться передо мной своим счастьем, пока я здесь одна!

Лу Вэньхао промолчал, лишь с улыбкой посмотрев на Сун Шаояня.

Счастлив ли он? Если не думать о стране, охваченной пламенем войны, возможно, он действительно был счастлив.

Во время церемонии они с Суном стояли в самом конце. Французский священник на ломаном китайском произнес: Прошу жениха и невесту повернуться друг к другу и с серьезным, благочестивым сердцем поклониться... Он внезапно почувствовал, как Сун Шаоянь схватил его за руку, да так крепко, что стало почти больно.

— Господин Ли Юньбинь, согласны ли вы взять госпожу Цю Вэнь в жены, в болезни и здравии, в богатстве и бедности любить ее и уважать?

Лу Вэньхао почувствовал холод на безымянном пальце левой руки. Взглянув вниз, он с изумлением увидел серебряное кольцо, украшенное огромным бриллиантом!

Он ахнул и с удивлением посмотрел на Сун Шаояня, но тот приложил палец к губам, призывая к молчанию. Лу Вэньхао пришлось пока сдержать свое недоумение и беспокойство.

Церемония быстро закончилась.

— Что это было? Считаешь, что слащавость — это интересно? — недовольно спросил Лу Вэньхао, собираясь снять кольцо.

— Эй, это кольцо работы древнеримского мастера. В мирное время оно стоило бы не меньше ста тысяч долларов. — Сун Шаоянь прижал его руку, не давая снять кольцо.

Сто тысяч долларов? Лу Вэньхао знал, что один истребитель стоит всего пятьдесят тысяч. Он не знал, плакать или смеяться:

— Какой мужчина будет носить бриллиантовое кольцо? Люди засмеют до смерти.

— Я просто подумал: пусть я не могу дать тебе официальную свадьбу, но хотя бы могу дать обручальное кольцо. Лучше пусть другие мужчины знают, что Лу Вэньхао — мой человек, и пусть даже не надеются!

Для Лу Вэньхао эти слова звучали как чистой воды каприз и самодурство, но, взглянув на человека, который произнес это с абсолютно серьезным лицом, он понял: тот нисколько не шутит.

— ...Почему? — Лу Вэньхао даже не знал, на что злиться.

— Не понимаю, что значит почему?

— Почему ты иногда бываешь таким невыносимым! — Лу Вэньхао стянул кольцо и со всей силы бросил вперед. Сверкнул яркий блик, и антикварная вещь бесследно исчезла в густой траве.

Что значит мой человек? Он тоже мужчина, у него есть самоуважение! Но больше всего его злило недоверие Сун Шаояня. Если он доверяет ему, к чему это собственничество?

Сун Шаоянь взглянул на него, ничего не сказал, подошел к траве и, не обращая внимания на светлую одежду, опустился на колени, начав поиски.

Лу Вэньхао хотел пойти и помочь ему. Он пожалел о своем поступке, как только кольцо полетело прочь, но гордость не позволяла отступить. Он стоял в стороне, чувствуя себя крайне неловко. Ах, мысленно корил он себя, когда же он избавится от этой привычки действовать импульсивно?

Вдруг завывла пронзительная сирена воздушной тревоги. Люди начали поспешно уходить в ближайшие бомбоубежища.

— Эй, не ищи, скорее в укрытие! — воспользовавшись случаем, крикнул ему Лу Вэньхао. Хотя система раннего оповещения находилась далеко в горах Дабашань, теоретически до японских самолетов было еще больше ста километров, но беспечность могла стоить жизни.

Однако Сун Шаоянь даже не шелохнулся, продолжая упорно искать. Остальные посетители сада уже ушли, и огромная лужайка казалась пугающе тихой.

Лу Вэньхао забеспокоился. Он подбежал к Сун Шаояню и схватил его за руки:

— Я был неправ! Я не должен был злиться и бросаться вещами! Прошу, перестань искать! Я продам все, что у меня есть, но куплю тебе такое же кольцо!

Сун Шаоянь обнял его:

— Я ищу не кольцо, я хочу найти его, чтобы надеть на твой палец! Понимаешь?

— Понимаю, понимаю! — закивал Лу Вэньхао, едва сдерживая слезы.

Небо было ясным, без единого облачка, легкий ветерок сопровождал вой сирены. Какая ирония — прекрасная погода стала синонимом бомбардировок. Недостроенная трибуна для гонок казалась шаткой под звуки тревоги. Эта ложная пышность, возведенная на руинах, рушилась перед лицом войны. Похоже, они и правда были влюбленными в эпоху смуты.

Под все усиливающийся вой сирены они наконец укрылись в бомбоубежище. Просидели там целых шесть часов, и когда вышли, уже была глубокая ночь. Японцы задействовали более двухсот самолетов в три волны, поэтому отбой тревоги не объявляли.

Выйдя наружу, Лу Вэньхао поднял голову: летнее небо было чистым, и никаких следов порохового дыма. Но от психологического напряжения ему все равно чудился слабый запах крови и пороха.

Сун Шаоянь шел впереди, и Лу Вэньхао вдруг заметил, как что-то блеснуло на его подошве — это было то самое кольцо, которое невозможно было найти! Оно прилипло к присохшей жвачке. Он поспешно сообщил об этом Сун Шаояню.

Сняв кольцо, тот вздохнул с облегчением, а затем рассмеялся — должно быть, он слишком сильно нервничал, раз не почувствовал такой крупный предмет под ногой. Он снова, торжественно и серьезно, надел кольцо на палец Лу Вэньхао.

— Больше не выбросишь? Боюсь, в следующий раз нам так не повезет. — На его белой рубашке были пятна разного цвета, зеленые и бурые — следы поисков в траве, но даже грязная одежда не портила его красоты.

Лу Вэньхао опустил голову и слегка повернул кольцо. В свете уличного фонаря бриллиант размером с вишню засверкал ослепительным светом.

— Размер как раз, — тихо сказал он.

Пусть смеются, если хотят. Это все же лучше, чем в старости, когда волосы поседеют, жалеть об упущенном счастье.

В этот момент из темноты выбежали люди, тяжело дыша, они кричали:

— Беда! В убежище у Восемнадцати ступеней погибло столько людей! Городская пожарная команда просит всех, у кого есть машины, срочно ехать на место! Господа, помогите, умоляем, помогите!

Лу Вэньхао и Сун Шаоянь переглянулись. Маленькое сладкое мгновение, только что согревавшее их сердца, было вмиг разбито этими словами. Не теряя времени, они бросились к

гаражу, вывели машину и помчались к месту происшествия.

У Восемнадцати ступеней находился старый заброшенный тоннель, ставший после бомбардировок двухлетней давности самым большим общественным убежищем в Чунцине. Когда воздушные налеты стали обыденностью, горожане накопили немалый опыт, но никто не ожидал, что сегодняшняя бомбардировка продлится так долго.

Когда они прибыли, лестница была заполнена людьми — мужчины, женщины, дети с остекленевшими от боли или пустоты глазами. Хотя место называлось Восемнадцать ступеней, там их были сотни, выложенные из синего камня. Это были выжившие. А те, кому не повезло... у входа в тоннель выросла гора. Без преувеличения, гора из человеческих тел высотой в несколько метров.

Пожарные, врачи и медсестры продолжали выносить тех, кто был без сознания, или тех, кто погиб. Бледная луна заливала всё вокруг — и живых, и мертвых — мертвенным светом. Холодным и безжизненным.

Лу Вэньхао вдруг почувствовал, как конечности похолодели, мир вокруг закружился, и он едва не потерял сознание. Сун Шаоянь подхватил его сзади, но его пальцы, ощущавшиеся сквозь тонкую ткань рубашки, были такими же ледяными.

Они чувствовали, как дрожат друг друга — то ли от холода, то ли от бессилия перед лицом этой трагедии. Всего несколько часов назад они были счастливы, присутствуя на свадьбе, и спорили из-за маленького металлического колечка. За это время тысячи людей погибли.

Лу Вэньхао закусил губу до крови, не позволяя себе кричать. В этом нет ничего особенного, беда может нагрянуть в любой момент, каждую минуту в мире умирают тысячи людей, в этом нет ничего особенного... — твердил он себе. Но для каждого отдельного человека его смерть — самое важное событие, важнее всей судьбы Вселенной!

Он видел смерть и раньше. На поле боя она была привычнее, чем еда или вода. Но гибель солдат и гибель простых людей вызвали разные чувства. Эти горожане... вначале они пытались выжить, а потом в тоннеле остались только стоны.

Что это за зрелище? Мир не знал ада, его придумали люди, а потом воплотили в жизнь с помощью войны.

В суматохе Лу Вэньхао вдруг увидел Лю Чун. Ее волосы, пропитанные потом, прилипли к щекам, она измеряла пульс мужчины — то ли живого, то ли мертвого. Лу Вэньхао поспешил помочь ей. После нескольких нажатий на грудную клетку мужчина выплюнул пену и очнулся.

Не успели они вздохнуть с облегчением, как их позвал пожарный — нужно было перенести тела. В горе трупов Лу Вэньхао обнаружил тело младенца; ребенок, которому было всего несколько месяцев, погиб не от удушья, а был растоптан в суматохе.

Лу Вэньхао отвернулся, не желая больше смотреть. В толпе раздался душераздирающий крик молодой женщины: в убежище муж держал ее на плечах, чтобы она могла дышать свежим воздухом через вентиляционное отверстие, в итоге она спаслась, а он — нет. На самом деле, он был счастливым, ведь умер в объятиях жены.

Лу Вэньхао попытался поднять тело — человек был крупным, а его левая рука почти не слушалась, и он с трудом справлялся.

— Давай я, — подошел Сун Шаоянь.

Вскоре они оба были в поту, измотанные до предела, но не останавливались. Они без слов понимали друг друга: им хотелось заглушить душевную боль физической усталостью. Ведь настоящую боль невозможно выразить словами, вершина боли — это тишина.

Лишь когда на горизонте забрезжил рассвет, спасательные работы завершились. После ночи тяжелого труда Лу Вэньхао и Сун Шаоянь в последний раз вышли из больницы, куда только что доставили пострадавших.

— Твоя рука в порядке? — с беспокойством спросил Сун Шаоянь, видя, как Лу Вэньхао растирает плечо.

Лу Вэньхао покачал головой:

— Немного ноет. Эх, помню, в былые времена моя стрельба с двух рук была одной из лучших в дивизии. Время никого не щадит. — На самом деле, этот счет нужно было предъявлять не времени, а японцам.

Солнце поднялось из-за далеких гор, заливая всё золотым светом. Кожа, покрытая высохшим потом, немного ожила под его лучами.

Год за годом, день за днем, закаты сменяли рассветы, и время незаметно утекало. Но многое, даже превратившись в историческую пыль, не будет забыто людьми. Особенно то, что принесло столько горя — даже если раны истории затянутся, они оставят вечные шрамы.

Война пришла в родные края, старые печали и новые обиды множатся одна за другой...

Почему китайцы со времен династии Цин постоянно страдают от иностранцев? Когда же этим дням придет конец?

Нет, они никогда не поверят, что эта земля вот так погрузится во тьму. Генерал Ли Цзунжэнь сказал верно: чем яростнее вражеские бомбы, тем сильнее наш гнев. Соппротивление — это не просто борьба за потерю или обретение отдельных городов, это борьба за национальный дух. Чем больше разрушений и смертей приносят японские захватчики, тем решительнее

становится воля народа к защите страны и выживанию.

<http://bllate.org/book/21143/2144172>